

Марсианские загадки

Редакция «Волгоградской правды» традиционно поддерживает нетрадиционные идеи и личности, если даже они чуть обгоняют наше время. Такая дружба установилась у нас и с волжским уфологом журналистом Г. С. Белимовым, который в этом году, как мы уже сообщали, удостоен звания члена-корреспондента Международной Академии информатизации по отделению уфологии.

Геннадий Степанович только что завершил работу над рукописью книги «На связи — иные миры», в которой в увлекательной и достаточно аргументированной форме рассказал о многочисленных фактах контактов землян с иными мирами. В книге, богатой сенсациями, 17 глав. Оформлением ее будет заниматься известный волгоградский художник Владислав Коваль. Любопытно, что книга основана на местных материалах, ее фактические соавторы — жители нашей области.

Сейчас не менее трудная задача автора — найти спонсоров для издания рукописи.

Сегодня мы знакомим читателей с фрагментом одной из глав книги.

Эта история поразительна тем, что при всей своей невероятности она имеет высокую степень достоверности, и если б не извечный наш скептицизм по отношению ко всему новому, выводы из нее могли бы, думается, серьезно повлиять на программы космических исследований ведущими странами Земли. Полагаю, что рано или поздно такие выводы последуют, и это станет новой качественной ступенькой в познании космоса. Являются ли изложенные ниже события подсказкой или предупреждением нам от иных миров или это просто цепочка случайностей — судить читателям. Но все же наилучшее, что можно ожидать в данной ситуации, это оценку ее специалистами по космическим исследованиям.

Миссия «Фобос»

... Однажды — помнится, в начале 1988 года — мне позвонил знакомый и поинтересовался, нет ли у меня выхода на ведущих специалистов Главкосмоса СССР, а лучше бы — прямо на академика АН СССР Р. Сагдеева. Если такой связи у меня нет, то не помогу ли я связаться с журналистами «Комсомольской правды», которые освещают подготовку программы исследования Марса космическими станциями «Фобос». На мой вопрос, для чего это необходимо, последовали довольно путанные объяснения, суть которых заключалась в следующем. Будто бы в городе Волжском живет парень, специалист по биоэнергетике, который убежден, что миссия «Фобосов» не будет выполнена, и огромные затраты народнохозяйственных средств, выделенных на программу, пропадут впустую. Об этом он хочет предупредить руководителей проекта, пока не поздно. Ведь до запуска «Фобосов» еще есть полгода...

Даже сейчас, спустя много лет, при нашей нынешней информированности о вещах, скажем так, запредельных, даже сейчас подобное заявление показалось бы не более чем бредом или розыгрышем, а уж тогда-то и говорить нечего... Программа готовилась не один год, в ней были задействованы лучшие умы Советского Союза, специалисты и ученые еще из тринадцати стран, и вдруг — представьте! — кто-то из провинциального города пророчит ей неуспех! На каком основании? Просто ему так кажется — и только?

Одним словом, я отмахнулся от странного звонка и напроць о нем забыл, пока спустя много времени, осенью 1989 года, меня не познакомили с Юрием Всеволодовичем Лушниченко, тем самым человеком, который, как оказалось, предсказывал неудачу нашим «Фобосам». Тогда он первым в городе организовал лекторий по основам биоэнергетики и экстрасенсорике и был довольно популярной личностью среди жаждущих новых знаний.

Юрию было около 35 лет, к особым приметам я бы отнес его густые кустистые брови и рассеянный, словно сквозь тебя, взгляд через сильные линзы очков.

— Чем завершилась твоя затея с выходом на Главкосмос? — поинтересовался я между прочим, когда узнал в нем предсказателя неудачи с «Фобосами».

— Я дозвонился только до какого-то корреспондента «Комсомольской правды», — поведал он о том эпизоде без тени смущения или неловкости за свое странное поведение. — Просил координаты Рояльда Сагдеева, но уперся в глухую стену. Звонил несколько раз, предупреждал, что это важно — никому до меня не было дела. Во время последнего разговора меня прямо спросили: «Ты откуда звонишь? Из Волжского? А это в общем-то где, не в Тымаракани?... Ну, так и сиди в своем Волжском, пока тебя не упекли в подходящую больницу...» И я махнул на все рукой. Пускай что хотят запускают, жизнь свое докажет. Ну, с «Фобосами» так и получилось. Полный крах...

Чтобы в том убедиться, достаточно ознакомиться с хроникой полетов к Марсу. Они поразительны по числу отказов аппаратуры. Поневоле напрашивается вывод о каком-то воздействии на земные космические станции со стороны неизвестных разумных сил.

Итожа результаты, я сообщу, что на Марс было послано десять советских космических аппаратов, и ни один из них не выполнил программу до конца. Сели на планету только два. Столько же — у американцев. И дело, похоже, не в плохой технике. На Венеру, где условия атмосферы куда более негативны, летало в два раза больше кораблей, и по большей части они успешно садились.

Фиаско с нашими «Фобосами», а также с американскими станциями «Маринер» и «Марс-Обсервер» наводят на размышления.

Юрий Лушниченко считает, что он знает, как надо поступить землянам, чтобы избежать очередных неудач при полетах на Марс.

«Возможно, это открытие!»

История с предсказанием неудачи проекта «Фобос» волжским экстрасенсом, наверное, забылась бы как невероятная и трудно доказуемая, если бы не одна встреча.

Я руководил отделом гарантийного обслуживания на крупном промышленном предприятии, когда к нам на завод приехал специалист из подмосковного Центра управления космическими полетами. Обычная командировка, обычные согласования технических условий по гарантиям надежности. Правда, время для поездки показалось не совсем подходящим: перед ноябрьскими праздниками, да еще когда на околоземной орбите творилось что-то непонятное...

Напомню читателям, что в те дни, в конце октября 1989 года, в СССР был запущен беспилотный модуль «Квант», который должен был в автоматическом режиме состыковаться с советской орбитальной станцией «Мир». Однако все попытки стыковки заканчивались неудачей. Страна с тревогой ждала развязки. Тогда нам еще были непривычны сообщения о неудачах вместо победных рапортов.

— В ЦУПе вторую неделю на ушах стоят, — досадливо поморщился приезжий, отвечавший за эксплуатацию приборов на космических объектах, тридцатипятилетний В. П. Ефремов, когда мы поинтересовались новостями. — Здесь, может, хоть отосплюсь в гостинице и нервы успокою: все равно ничем помочь не могу...

— Вы там бьетесь над причинами отказов, а у нас в Волжском человек за полгода до запуска «Фобосов» знал, что они не долетят, — мимоходом, в форме шутки, сказал я, оторвавшись на секунду от каких-то бумаг на столе.

Реакция была мгновенной и совершенно неожиданной для меня: Василий Павлович потребовал срочной встречи с Лушниченко. Я

недоуменно пожал плечами и взялся за телефон. Юрий оказался дома — грипповал. «Поздноато они спохватились», — проворчал он. — Ладно, приезжайте, жду...

... Весь дальнейший разговор я понимал только фрагментами. Больше всего меня поразило то, что два прежде не знакомых человека беседовали друг с другом так, словно они лишь вчера прервали спор. Я не всегда улавливал терминологию в их разговоре, но ощущение было, что оба они, как два сапога — пара.

— В ваших аппаратах нет принципа дружелюбности к иной планетарной биосфере, — убеждал Юрий своего гостя. — Они враждебны ей. В «Фобосах» это главная ошибка. Ну, представьте: летят какие-то штурвины, ошестинились антеннами, излучают радиоволны, сверхвысокие частоты, несут лазер, дым и газуют ракетным топливом, начинены Бог знает какими приборами...

— И без спроса...

— Да, именно — без спроса, без предупреждения вторгаются в чужую жизнь... Послушайте,

вам же не придет в голову глотать ежа! А других вы почему-то считаете возможным заставить делать это?... Нас вежливо, еще при первых полетах к Марсу предупреждали: смените тактику. Мы не поняли...

— Предупреждали неоднократно...

— Да-да. Всякий раз нам давали крупницы знаний, но всякий раз тыкали носом: думайте. Мы же думать не хотели и раз за разом пытались протолкнуть в живое поле планеты несъедобных ежей. Отсюда лежащий на поверхности вывод: конструкция космического аппарата должна быть как можно естественнее, с обтекаемым собственным биополем, без торчащих, выпирающих, как иглы, элементов. Поменьше враждебности к чужой среде — вот что надо!

— Ты полагаешь, их биосфера отличается от земной?

— Я, конечно, не специалист по Марсу, но мне показывали это в картинках. Ну, ты понимаешь... Именно на «Фобосах» — тогда я не знал их названия, только позже прочел в газетах. Так вот, на этих двух аппаратах показали, как их нейтрализуют. У нас, безусловно, разные структуры полей, разные временные контингенты... Наша реальность — для них совсем другое. Другое время... Поле Марса — оно как бы заморожено! Их поле нельзя торпедировать, мы же...

— Несопряжение полей... — догадался о чем-то Василий Павлович. — И как же надо было поступать?

— Да проще, как можно проще и естественней! — стал чертить на бумаге какие-то стрелки Юрий. — Подошли к полю Марса — и пошло искривление полей, это можно понять по всплескам магнитных импульсов. Если сравнить, то это как запрос: «свой-чужой»? Нужен ответчик, а мы его, естественно, не знаем. Что необходимо? Ну, первое — замедлить скорость и на время лечь в дрейф, до первого энергетического толчка. И поскольку мы не знаем, как действовать, надо поступить просто: всю последнюю полученную информацию от станции следует обработать на земле и послать обратной связью.

— Без корректировки? Один к одному? Ты полагаешь, нас поймут?

— Думаю, да. Мы тем самым как бы сообщим, что знаем, учитываем их правила и просим, смиренно просим содействия. И мы получим их помощь: «Фобос-2», как я его вижу, повернут боком к Земле, антенны вне радиолуча... Но можно попытаться послать туда последнюю серию полученной информации — и «Фобос», возможно, ответит...

— Боюсь, там все уже разморожено...

— Но прежде надо решить вопрос: как убедить Сагдеева и прочих...

— И это тоже, это тоже... А ты не думаешь, что надо дать заявку на открытие?

— Да? — усмехнулся Лушниченко. — А в преамбуле указать, что, дескать, метод масс-энергетического сопряжения полей мне подсказали во время контакта с неизвестным Разумом... Убедит ли это кого-нибудь?

— Да-а, проблема... — задумался Василий, — но время Сагдеевых уходит...

— А пока не ушло, будем по-прежнему бросать деньги на ветер...

Юрий и Василий Павлович были заняты своим, не обращая никакого внимания на мое присутствие.

— Ну, а что с «Квантом» происходит? — вдруг сменил тему Ефремов. — Состыкуются или нет?

— Постой, как раз сейчас идет стыковка! — через минуту, словно прислушавшись к чему-то в себе, заволновался Юрий Всеволодович. — Может, транслируют?

Но ни на телеэкране, ни по радио сообщений о «Кванте» в те минуты не было.

— Та-ак... сближение идет, — передавал увиденное за пределами земной атмосферы Лушниченко, — но модуль чуть-чуть уходит влево и вниз... Вводят поправки, но, знаешь, методом втыка. Они не учли в компьютерной программе изменившуюся массу стыковочного модуля...

— Да, там двадцать тонн груза и приборов, — подтвердил Ефремов, — а прежде запускали пятитонники. Причем программа — та же, ведь опробована не раз. Но почему ты говоришь об отклонении влево-вниз? Ведь вводило вправо-вниз?

— Я смотрю со стороны модуля, а ты?

— Теперь понятно: видеокамера установлена на станции, а не на модуле. Смещение ты назвал верно. Ну, а состыкуются?

— Постой, постой... Да, стыковка будет... — он молчал, делая пассы рукой, несколько минут. — Все! Состыковались!

Я взглянул на часы: было без тринадцати шесть вечера по местному времени.

В тот же день я едва дождался программы «Время» из Останкино. Диктор торжественно объявил о новом достижении советской космонавтики: в 16 часов 47 минут по московскому времени успешно завершилась стыковка модуля «Квант» с орбитальной станцией «Мир». На телеэкране с небольшим смещением вправо-вниз надвигалась громада грузового модуля. Картинка дрогнула, и чей-то радостный голос сообщил: «Есть захват!» По-моему, полстраны у телевизоров облегченно вздохнули. Это произошло 4 ноября 1989 года.

В результате всей этой истории у меня словно раскрылись глаза на ранее плотно зашторенное, непостижимое. Получалось, что можно верить и таким совершенно невероятным сообщениям, как у Лушниченко. И одно только мешает до сих пор — барьеры сомнений...

Этот барьер помешал мне в том 1989 году как-то поддержать Лушниченко, хотя бы обнародовать через прессу суть его предвидения по поводу гибели «Фобосов». Может, что-то бы изменилось...

Г. БЕЛИМОВ,
член-корреспондент МАИ.